

LIMITED EDITION OF 500 COPIES

SHADOW KNIGHT

Aaron Dembski-Bowden

- Дембски-Богден Аарон
-

Дембски-Богден Аарон Рыцарь Теней (Shadow Knight)

Black Library Live 2009
Chapbook

Они говорят: грехи отца.

Может быть. А может быть и нет.
Но мы всегда были разными. Мои братья и
я, мы ни-когда не были по-настоящему
близки с другими -- Ангелами, Волками,
Воронами...

Возможно, нашим отличием был грех
нашего отца, и возможно это был его
триумф. Мне никто не давал права
критически рассматривать историю
восьмого легиона.

Всё-таки эти слова останутся со
мной. Грехи отца. Эти слова
сформировали мою жизнь.

Грехи моего отца отзываются эхом
сквозь вечность как ересь. Тем не менее,

трехи отца моего отца почитаются как
первые акты божественности. Я не
спрашиваю себя справедливо ли это. Ничто
не справедливо. Это слово – миф. Меня не
беспокоит, что справедливо и что
правильно, а что несправедливо и
неправильно. Эти концепции не
существуют вне черепов тех, кто
тратит жизнь в размышлениях.

Я спрашиваю себя ночь за ночью, если
я заслуживаю мести.

Я посвящаю каждый удар моего сердца
разрушению всего, что я однажды воздвиг.
Полни это, полни это всегда: мой болтер
и меч помогли выковать Империям. Я и
такие как я – у нас есть больше прав, чем
у кого-либо, разрушить большую империю
человечества, потому что наша кровь,
наши кости и наш пот построили её.

Посмотрите сейчас на её блестящих
чемпионов. Астартес, которые
обыскивают тёмные места вашей
галактики. Орды хрупких смертных,
взятых в рабство в имперскую гвардию и
прикованных к службе Трону Лжи. Нет ни
одной души среди них, которая бы была

рождена, когда мои братья и я строили
эту империю.

Заслужил ли я мечь? Позвольте мне
рассказать вам кое-что о мести -
маленьком отростке Империи. Мои
братья и я поклялись нашему умирающему
отцу, что мы искупим великие грехи
прошлого. Мы пустили кровь недостойной
империи, которую мы построили, и
очистили звёзды от инфекции ложного
Императора.

Это больше не мечь -- это
искупление.

Моё право разрушать -- больше чем
твое право жить.

Помни это, когда мы придём за
тобой.

Он - мальчик, стоящий над
умирающим человеком.

Мальчик более удивлён, чем испуган.
Его друг, который ещё не забирал жизни,
оттаскивал его прочь. Он не сдвинется.
Пока. Он не отводит взгляда от глаз
истекающего кровью человека.

Владелец магазина умер.

Мальчик побежал.

Он — ребёнок, вскрытый машинами.

Хотя он спит, его тело дёргается, предавая болезненные сны и агонию неспящих нервов, когда они регистрируют хирургическую боль. Два сердца, мясистых и сверкающих, бьются в его вскрытой груди. Второй новый орган, меньший, чем первое сердце, изменит рост его костей, позволяя его скелету поглощать неестественные вещества на протяжении всей его жизни.

Не грожащие руки, некоторые человеческие, некоторые аутоматические, работают над телом ребёнка, разрезают и зашивают, внедряют и соединяют ткани. Мальчик дёрнулся снова, его глаза открылись на мгновение.

Бог в белой маске поворачивает свою голову к мальчику.

«Спи»

Мальчик пробует сопротивляться, но дремота хватает его успокаивающими когтями. Он почувствовал, всего лишь на мгновение, как будто он тонет в чёрных водах его родного мира.

Сни, сказал бог.

Он повинется, потому что хитикали в его крови заставляет его сделать это.

Третий орган располагается в его груди недалеко от нового сердца. Так же как остодула преобразует его кости, чтобы они росли на новых веществах, бископья создаёт поток гормонов, питающих его мускулы.

Хирурги зашивают медицинские разрезы мальчика.

Сейчас ребёнок больше не человек. Ночная работа позаботилась об этом. Только время покажет, насколько другим станет мальчик.

Он подросток, стоящий над другим мёртвым телом.

Его труп не такой, каким был первый. Этот труп такого же возраста, как и мальчик и в последние мгновения своей жизни боровшийся со всей своей силой и отчаянием чтобы не умереть.

Мальчик бросает своё оружие. Вазубренный нож падает на землю.

Учителя легиона подходят к нему. У них красные глаза, их темная броня -- огромна. Череп свисают с их нагрудников и наплечников на цепях из почерневшей бронзы.

Он вдыхает, что бы сказать, объяснить им, что это был всего лишь несчастный случай. Они заставили его замолчать.

«Отличная работа», - говорят они.

И они называют его братом.

Он подросток и винтовка тяжела для его рук.

Он наблюдает на протяжении долгого-долгого времени. Он знает, как затормозить своё сердце, как регулировать своё дыхание и биологические процессы своего тела, пока он не превратится в статую.

Охотник. Добыча. Его разум холоден, его концентрация абсолютна. Молитва, шепот про себя, становится единственным способом смотреть на мир.

Хищник. Добыча. Охотник. Преследуемый. Больше ничего не имеет значения.

Он нажимает на спусковой крючок. На расстоянии в тысячу метров человек утирает.

«Цель устранена», - он говорит.

Он -- молодой человек, спящий на хирургическом столе как и прежде.

В грелоте, порождённой хитикалиями, текущими по его венам, ему ещё раз снится его первое убийство. В не спящем мире иглы и медицинские зонды вставленные в плоть его спины, вводят жидкости в его позвоночный столб.

Его дремлющее тело реагирует на вторжение единственным кашлем. Едкая слюна стекает с его губ, шипя в месте приземления, въедается в кафельный пол.

Проснувшись, часы спустя, он чувствует отверстия вдоль спины. Шрамы, металлические узлы...

Во вселенной, где не существует богов, он знает, что он близок к божественному настолько, насколько может быть смертный.

Он - молодой человек, глядящий в свои собственные глаза.

Он стоит обнажённый в тёмной

палате в ровном строю с дюжиной других
друзей. Другие посвященные стоят с ним, так
же без одежды, отметки от операций
свежи на их бледной коже. Он замечает
только их. Сексуальность - забытое
понятие, чуждое его разуму, просто одно из
десяти тысяч человеческих свойств,
которое отвергло его сознание. Он больше
не вспоминает лица его матери и отца.
Он только помнит своё имя, потому что
главы его легиона никогда не меняли его.

Сейчас это его лицо. Этими глазами
он будет смотреть на галактику. Этот
черепоподобный шлем будет изливать его
гнев на тех, кто постеет бросить вызов
Императорскому видению человечества.

«Ты Талос», - сказал мастер Легиона,
- «Из Первого Когтя, Десятой Роты».

Он -- молодой человек, крайне
жестокий и бессмертный.

Он видит этот мир в багряном
цвете, с данными безущими острыми,
ясными, белыми руническими символами
через сетчатки его глаз. Он видит
жизненные силы его братьев в
показываемых числах. Он чувствует

внешнюю температуру в его герметизированной боевой броне. Он видит метки наведения на цель, когда они следуют за движением его глаз, и чувствует свою руку, сжимающую болтер, напряжённую, так как она пытается отслеживать каждую обнаруженную цель. Индикатор боеприпасов показывает, сколько утерло в этот день.

Вокруг него умирают чужие. Десять, сто, тысяча. Его братья прорубают свой путь через город фиолетовых кристаллов, болтеры режут и ценные мечи визжат. Там, то здесь в опере шума битвы, брат изливает свой гнев в усилители шлема.

Звук всегда одинаков. Болтеры всегда режут. Ценные мечи визжат. Астартес всегда кричат в ярости. Когда VJJJ Легион ведёт войну, звук как будто львы и волки убивают друг друга, в то время как над ними кричат стервятники.

Он выкрикивает слова, которые больше никогда не будет произносить снова — слова, которые скоро станут прахом на его языке. Сейчас он кричит слова, не думая о них, не чувствуя их.

За императора.

Он - молодой человек, опытный в крови людей.

Он кричит слова без сердца, которое бы почувствовало бы их, проповедует понятия Имперского правосудия и заслуженной мести. Человек цепляется за его броню, прося и утлая.

«Мы верны! Мы сдались!»

Молодой человек проламывает лицо человека ударом своего болтера. Столь поздняя капитуляция -- бесполезный жест. Их кровь должна течь как пример, и остальные миры системы падут один за другим.

Вокруг него продолжается неустанный бунт. Скоро его болтер замолчит, безмолвный без снарядов. Вскоре после этого умрёт его ценной меч, заклинивший мясом.

Повелители Ночи продолжают убивать людей голыми руками, тёмные латные рукавицы бьют, давят и крушат.

В бесконечной схватке голос союзника приходит из вокса. Это Имперский Кулак. Их Легион наблюдает со скучной

безопасности их места высадки.

«Что вы делаете?» - Спросил Имперский Кулак. -- «Братья, вы сошли с ума?»

Талос не ответил. Они не заслуживают ответа. Если бы Кулаки сами привели к согласию этот мир, Повелителям Ночи никогда не пришлось бы приходить сюда.

Он - молодой человек, наблюдающий, как его родной мир горит.

Он -- молодой человек, оплакивающий скорую смерть своего отца.

Он -- предатель всего, что он когда-то считал священным.

Острые лучи света пронзили трак.

Команда спасателей двигалась медленно, терпеливо и неторопливо, но с уверенной осторожностью людей, которым необходимо выполнить трудную работу и не ограничены по времени. Команда разошлась по помещению, опрокидывая обломки, исследуя отметки оружейного огня на стенах, их внутренний воксёлкал, когда они переговаривались.

В разгерметизированном корабле,

команда спасения была одета в атмосферные костюмы, защищающие от безвоздушного холода. Они общались на языке жестов так же часто как и словами.

Это заинтересовало охотника, который наблюдал за ними, потому что он также разбирался в боевых знаках Астартес. Любопытно смотреть, как его враги предавали себя так просто.

Охотник смотрел в тишине, как конья света пронзали тень то здесь, то там, раскрывая разрушения боёв, которые проходили на этой палубе брошенного судна. Члены спасательной команды -- были явно гено-модифицированы, но слишком малы и не вооружены, чтобы быть Астартес. Они были стеснены атмосферными костюмами, которые они носили. Такие условия ограничивали их чувства, в то время как древняя боевая броня Марк 4 охотника только улучшала его собственные. Они не слышат, как слышит он, не видят как видит он. Это уменьшило их шансы на выживание с невероятно малых до абсолютно никаких.

Улыбаясь этой мысли, охотник

прошентал дүхү машины своей брони, два слова, которые соблазняло дүх боевых достижений знанием, что охота начнётся по настоящему.

«Поиск добычи».

Его зрение стало синевой глубочайших океанов, украшенной яркими цветами сверхновой звезды, выдающими движения живых существ. Охотник видел, что команда двигалась дальше, разделившись на две группы, по два человека каждая.

Это становилось интересно.

Талос следовал за первой группой, прячась в тенях коридоров, зная, что звуки трения его силовой брони и урчание сервомоторов не слышны недостаточными чувствительными спасателями.

Спасатели — наверное, не правильное определение, непочтительное к противнику.

Хотя они не были полными Астартем, их генное преобразование было очевидно в их телах и смертоносном изыскании их движений. Они также были охотниками, только более слабые.

представители породы.

Новобранцы.

Их знак, нанесённый на каждый наплечник, показывает рубиновую каплю крови в оправе из гордых ангельских крыльев.

Бледные губы охотника изогнулись в улыбке. Это было неожиданностью. Кровавые ангелы послали группу Скаутов...

У Повелителя Ночи было немного времени отметить совпадение. Если Ангелы были здесь, то они здесь охотились. Возможно, Договор Крови был обнаружен датчиками дальнего действия боевого флота Кровавых Ангелов. Этого открытия было бы достаточно, что бы они оказались здесь.

Без сомнения -- это охота за их драгоценным мечом. И не в первый раз.

Возможно -- это их церемония инициации? Проверка мастерства? Вернуть клинок и получить членство в Оргене...

О, какая неудача.

Украденный клинок висел на бедре охотника, как это было на протяжении многих лет. Сегодня не та ночь, когда он

вернётся назад в отчаянных притязаниях Ангелов. Но, как всегда, они с радостью продадут свои жизни в попытке это сделать.

Талос проверил данные, выведенные на сетчатку его глаз. Искушение мигнуть — щёлкнуть несколько рун было сильным, но он остановил себя. Эта охота будет достаточно лёгкой и без боевых наркотиков, которые наполнят его кровью. Чистота заключается в воздержании от таких вещей, пока они не будут действительно необходимы.

Руны расположения его братьев по Первому Когтю мерцали на дисплее его визора. Приняв во внимание их расположение в других местах корабля, охотник выдвинулся, чтобы пустить кровь этих рабов Трона Лжи.

Настоящий охотник не избегает того, что бы его увидела добыча. В противном случае это преследование будет актом трусости, проявляя себя только тогда, когда добыча была уже мертва. Где здесь умение? Где острые

ощущения?

Повелитель Ночи был выращен для охоты гругими, более честными методами.

Талос крался как призрак в тенях, проверяя силу аудио рецепторов брони Скаутов. Только на пределе того, что они могли услышать...

Он преследовал их вдоль коридора, его руки в латных рукавицах заскребли по металлическим стенам.

Кровавые Ангелы немедленно повернулись, осветив его лицо лучами своих фонарей.

Это почти сработало - охотник дал им это. Эти меньшие охотники знали свою добычу -- они знали, что охотятся на Повелителей Ночи. За половину удара сердца, свет должен был сверкнуть через его визор, ослепляя его.

Он уже исчез, когда они открыли огонь, растаяв в тенях стены коридора.

Он поймал их снова девять минут спустя.

На этот раз он залёг в ожидании, затанив их в прекрасную ловушку. Меч, за

которыми они пришли, лежал прямо на их пути.

Он назывался Аурум. Слова только справедливо описывали умение мастера. Выкованный, когда Великий Крестовый Поход Императора только делал свои первые шаги к звёздам, клинок был выкован для одного из величайших героев Легиона Кровавых Ангелов. Он появился во владении Талоса спустя столетия, когда он убил наследника Аурума.

Это было почти забавно, как часто сыны Сангвиния пытались отобрать у него меч. Было намного менее забавно как часто он убивал своих собственных братьев, когда они пробовали забрать клинок из его мёртвых рук. Жадность разрушила всё единство, даже среди братьев Легиона.

Скауты увидели реликвию своего Ордена, так долго от них ускользавшую. Золотое лезвие было вложено в ножны, выполненные из тёмного металла, его ангелокрылый эфес окрасился в цвет слоновой кости под ярким светом их фонарей.

Приглашение просто войти в комнату и взять его, но это было такой очевидной ловушкой... Но всё же... как они могли этому сопротивляться?

Они не сопротивлялись.

Новобранцы были на чеку, болтеры выше и обзор быстрее, чувства обострены. Охотник видел как их губы двигались, когда они непрерывно передавали обстановку друг другу.

Талос спустился с потолка.

С глухим стуком он приземлился на плечу позади одного из новобранцев, перчатки молниеносно дёрнулись вперёд, чтобы схватить Скаута.

Другой Ангел повернулся и выстрелил. Талос стеялся над рвением в его глазах, плотностью сжатых зубов, тогда, когда новобранец выпустил три болта в тело своего брата.

Повелитель Ночи держал бьющийся в конвульсиях человеческий щит перед собой, наблюдая за вспышками шкалы температуры на дисплее, выводимом на сетчатку его глаз, когда кровь утирающего новобранца била по секциям

его боевого доспеха. В его захвате угрожающий Ангел был немного более, чем мешок взорванного замороженного мяса. Болт-снаряды детонировали, достаточно близко, чтобы убить его и расгерметизировать костюм.

«Хороший выстрел, Ангел», - Талос говорил через треск громкоговорителя своего шлема. Он отбросил свой истекающий кровью щит в сторону и прыгнул на другого новобранца выгнув пальцы подобно когтям.

Борьба была беспощадно кратковременной. Полностью генетически модифицированное тело Повелителя Ночи в связке с усиленными фибросвязками и мускулами его брони предопределили только один возможный вариант. Талос выбил болтер из рук посвящённого и вцепился в него.

Когда он скрутил более слабого воина, Талос погладил своими закованными в перчатку кончиками пальцев по чистому лицевому визору атмосферного костюма новобранца.

«Это выглядит хрупким», - сказал он.

Скаут что-то неслышно кричал. Ненависть пылала в его глазах. Талос потратил несколько секунд, чтобы насладиться этим выражением. Этой страстью.

Он пробил кулаком визор, разбив его на осколки.

Когда первый трүн замёрз, а другой раздвигался и разрывался на пути к удущью, Повелитель Ночи Вернул свой клинок, меч принадлежащий ему на правах завоевателя, и двинулся назад в наиболее тёплые участки корабля.

«Талос», - голос прозвучал через вокс свистящим шипением.

«Говори, Узас».

«Они послали новобранцев охотиться на нас, брат. Я даже должен был прервать режим Поиска Добычи, чтобы удостовериться, что мои глаза видят правду. Новобранцы. Против нас».

«Избавь меня от своего негодования. Что ты хочешь?»

Ответом Узаса был низкий рык и потрескивание мёртвого вокса. Талос пропустил это мимо ушей. Он уже давн

скучал от Узаса, который ноет каждый раз, когда они встречаются с недостойной добычей.

«Сайрон», - проговорил он в вокс.

«Да. Талос?»

«Конечно.»

«Прости меня. Я подумал, что это будет Узас с ещё одной напыщенной речью. Я слышу, по твоим палубам ползают Ангелы. Эпические победы будут получены в резне их младенцев, а?»

Талос не сдержал тихого вздоха. «Вы почти готовы?»

«Этот халк пуст как голова Узаса, брат. Никакой ценности. Нет даже сервитора, которого можно украсть. Я возвращаюсь на абордажную капсулу. Или тебе нужна помощь, чтобы перестрелять Ангельских детей?»

Талос прервал вокс-канал, так как он начал преследование. Высадка была бесплодной. Время возвращаться. С пустыми руками и всё ещё отчаянно нуждаясь в снаряжении. Это... Это пиратство оскорбляло его, так же как и всегда, с тех пор как они были отрезаны

от Легиона десятилетия назад. Чуть на-
давно мёртвого Вартастера и его ошибки,
которые всё ещё отдают эхом сегодня.
Проклятие ночи - VIII Легион был
разрушен и рассеян среди звёзд.

Раздробленные. Выживающие как
несоизмеримые боевые банды - разбитое
эхо единства Оргенов лояльных Астармес.

Трехи отца.

Эта любопытная засада Ангелов,
которые выследили их здесь, была не более
чем незначительная диверсия. Талос был
близок к тому, что бы запросить
командование об эвакуации, выследив и
убив последнего из новобранцев, когда его
вокс ожил снова.

«Брат», - сказал Ксарл. «Я нашёл
Ангелов.»

«Так же как Узас и я. Убей их быстро
и давайте возвращаться на Договор.»

«Нет, Талос.» - голос Ксарла
окрасился гневом. - «Не новобранцы.
Настоящие Ангелы.»

Повелители Ночи Первого Когтя,
Десятой Роты, собирались вместе как
дикие волки. Следуя через тёмные каюты

корабля, четыре Астартес встретились в
тенях, переговариваясь по своим вокс-
каналам, приседая с оружием, готовым к
бою.

В руках Талоса, древний клинок
Аурум, ловивший небольшие остатки
света, вспыхивая во время движения.

«Ух пятеро,» - Ксарл говорил низко,
его голос содержал подавляемое рвение. --
«Мы можем взять пятерых. Они гордо
стоят в отсеке управления, недалеко от
нашей абордажной капсулы». Он тучил свой
болтер. «Мы можем взять пятерых», -
повторил он.

Узас фыркнул на это.

«Это твоя вина, ты знаешь», -
хихикая, сказал Сайрон, кивая на Талоса. --
«Ты и этот проклятый меч».

«Он делает вещи интереснее», -
ответил Талос. - «У я лилею каждое
проклятие, которое кричит мне их
Орген».

Он перестал говорить, на мгновение
сузив свои глаза. Череполикий шлем
Сайрона расплылся перед ним. Так же как
и Ксарла. Звук отдалённой стрельбы

болтера отозвался в его ушах, не искажённый слабым потрескиванием отфильтрованного шлемом шума. Не настоящий звук. Не настоящее воспоминание. Но что-то родственное этим двум понятиям.

«У меня... есть...» - Талос мигнул, чтобы очистить его исчезающее видение. Тени обширных событий заслоняли его зрение, - «... есть план...»

«Брат?» - спросил Сайрон.

Талос вздрогнул, его серво-приводы ответили рычанием на это движение. Закреплённый магнитами к его бедру, его болтер не упал на палубу, чего не скажешь о его золотом клинке. Он с лязгом загремел об стальной пол.

«Талос?» - спросил Ксарл.

«Нет», - прорычал Узас, - «Не сейчас».

Голова Талоса дёрнулась единой дугой, как если бы его броня послала электрический сигнал по черепно-мозговому каналу, и он рухнул на пол со звуком удара боевых доспехов о металл.

«Бог-машин Крайта...» - пробормотал он. - «Они уничтожили

солнце».

Мгновение спустя он начал кричать.

Остальным пришлось отключить Талоса от внутреннего voxа взвоя. Его крики заглушали все разговоры.

«Мы сможем взять пятерых из них», - сказал Ксарл. - «Нас осталось трое. Мы сможем взять пятерых Ангелов».

«Почти наверняка», - согласился Сайрон. - «А если они вызовут отряды новобранцев?»

«Тогда мы убьем пятерых из них и их новобранцев».

«Мы убивали на своём пути среди звёзд за десять тысяч лет до того, когда они только родились». - отрезал Узас.

«Да, пока это всего лишь красивая сказка, я не собираюсь разводить риторику», - сказал Сайрон. - «Мне нужен план».

«Мы охотимся», - Узас и Ксарл сказали в один голос.

«Мы убьем их», - добавил Ксарл.

«Мы будем пировать их генным семенем», - закончил Узас.

«Если бы это была церемония

награждения за горячность и рвение, вас обоих расплющило бы под весом мегалей. Но вы хотите начать атаку на их позицию, в то время когда мы тащим Талоса? Я думаю, бряцанье его доспехов по полу скорее всего уничтожат элемент скрытности, братья».

«Охраняй его, Сайрон», - сказал Ксарл. - «Узас и я возьмём Ангелов».

«Двое против пяти». - Красные линзы глаз Сайрона уставились на своего брата. - «У вас мало шансов, Ксарл».

«Тогда мы наконец избавимся друг от друга», - хрюкнул Ксарл. - «Кроме того, бывало и меньше».

«Ave Dominus Nox», - сказал Сайрон. - «Охотьтесь хорошо и охотьтесь быстро».

«Ave Dominus Nox», - ответили оба друга.

Сайрон некоторое время слушал крики своего брата. Было трудно найти какой-либо смысл в потоке выкрикиваемых слов.

Это не было неожиданностью. Сайрон уже слышал Талоса страдавшего во власти своего не-счастья много раз до

этого. Поскольку это следствие генного дара — оно было только благословением.

Трехи отца, подумал он, глядя на неподвижную броню Талоса, слушая крики приходящей смерти. Как они отражаются на сыне.

Согласно хронометру, выведенному на сетчатку Сайрона, прошёл один час и шестнадцать минут с тех пор, как он услышал взрыв.

Палуба грожала под его ботинками.

«Ксарл? Узас?»

Статический шум был единственным ответом.

Отлично.

Когда голос Узаса наконец нарушил тишину вокса спустя два часа, он был слабым и насыщенным его характерной горечью.

«Уүүүх. Сайрон. Дело сделано. Таци пророка».

«Твой голос звучит как будто ты получил пулю», — Сайрон сопротивлялся желанию улыбнуться, чтобы они не услышали этого в его словах.

«Он получил», — сказал Ксарл. — «Мы

возвращается».

«Что это был за взрыв?»

«Плазменная пушка».

«Вы... Вы шутите».

«Ни сколько. У меня нет ни одной идеи по поводу того, зачем они принесли одну из них для битвы внутри корабля, разве только с целью приготовить замороженную пищу».

Сайрон взглядом нажал на идентификационную руну Ксарла. Это открыло закрытый канал между ними.

«Кто подстрелил Узаса?»

«Новобранец. Сзади из снайперской винтовки».

Сайрон немедленно прервал связь, чтобы никто не смог услышать его стех.

Договор Крови был клинком кобальтовой тьмы, обрамлённый бронзой и ширатами веков битв. Он плыл сквозь кусты, подплывая ближе к своей добыче, подобно акуле скользящей в тёмных водах.

Обагрённая Душа была фрегатом класса Гладиус с долгой и гордой историей побед во имя Оргена Кровавых Ангелов, а до этого IX Легиона. Она открыла огонь

из множества орудий по Договору Крови.

Кратко, красиво, пустотные щиты вокруг ударного крейсера Повелителей Ночи мерцали на дисплее, напоминая желтый пятно масла на воде.

Договор Крови открыл ответный огонь. В течение минуты подобный лезвию корабль проплывал сквозь костический тумор, его орудия охлаждались от своей мгновенной ярости. Обгоревшая Душа, вернее её мелкие осколки звенели и вспыхивали от пустотных щитов большего крейсера, так как он двигался сквозь разрастающееся облако крушения.

На второе судно, потерпевшее поражение и смерть в костосе, вскоре упала тень Договора. Ударный крейсер, заслонив солнце, приближался ближе, готовый снова вернуть свой абордажный модуль.

Первый Коготь возвращался через семь часов исследования халка. Их корабль прибыл на охоту ради него.

Герметичные переборки зашипели, когда укрепленные двери раскрылись с громким звуком трещащих шарниров.

Ксарл и Сайрон внесли Талоса на носадочную площадку. Узас шёл позади них, хромая, что портило его походку. Его спина горела огнём от снайперской пули с твёрдым сердечником, всё ещё сидевшей в нём. Что хуже -- его генетически улучшенный организм уже заживил рану. Ему понадобится хирург, или, что более вероятно, -- нож и зеркало, чтобы вытащить проклятую штуквину.

Один из Амраменторов, элитной стражи Достойного, стоял в своих неповоротливых терминаторских доспехах. Его череполикий клыкастый шлем спокойно наблюдал. Шесты с трофеями украшали его спину, на каждом из которых были наколоты по несколько шлемов из числа лояльных Оргенов. Астартес -- история кровопролития и предательства, гордо представленная для своих братьев.

Он кивнул на склонённую фигуру Талоса.

«Охотник за Душами ранен?» -- спросил Терминатор, его голос был глубоким, грохочущим рычанием.

«Нет», - сказал Сайрон. -- «Сообщите
Достойному. Его пророк страдает ещё
одним видением».